

ГОД НАЗАД в фойе Большо-го Кремлевского дворца... Встретил АПРЕСЯН, специальный корреспондент «Литературной газеты»...

Долго люди из разных ведомств не понимали изобретателя, а совнархоз появился сразу. Он горячо поддерживает его и ставит вопрос о массовом производстве челноков, шестерней и других деталей из березы.

О СУЩЕСТВОВАНИИ хорошие технические замыслы, совнархоз решает и другие важные задачи. На производстве часто не подсчитывают годовой экономии от внедрения новшества, и хозяйственники платят новаторам вознаграждение ниже суммы, установленной государством.

И художников, — добавив другой. Они имели в виду, что вопросы литературы в искусства по-прежнему находятся в центре внимания писателей, художников, критиков, миллионов читателей и зрителей.

Может быть, эта вещь встревожит ревнителей лесных богатств? Напрасно. Три с половиной миллиона челноков ежегодно изготовляет страна для текстильной промышленности. Замена бука и граба штампованной березой дает возможность не только прекратить уничтожение замечательных лесов Буковины, но и сократить потребление новых челноков вчетверо, а расход древесины — в сто раз.

Остро ставится новаторами вопрос о полезности изобретения. Решая его судьбу, многие хозяйственники спрашивают: а какая будет годовая экономия? И нередко большое открытие не обещает данному предприятию пользы в ближайший год-два и поэтому отклоняется. Подобные случаи являлись одной из причин того, что авторы по многу лет обивали пороги разных ведомств.

Творчество изобретателей и рационализаторов производства, конечно, отличается от творчества художественного, тем не менее оно весьма близко к нему своей вдохновенностью, напряженностью, пафосом борьбы, неуныем и радостями одержанных побед.

Лесной комбайн Бродягина не только валит дерево, но и обрубаивает ветки, снимает кору, укладывает бревна в штабеля и даже погружает их на автомашину. Кубометр деловой древесины будет обходиться в двадцать раз дешевле, а рабочей силы потребуется в сорор раз меньше, чем теперь.

История знает прототипические примеры, когда «беспелевые» изобретения вдруг произносили полную техническую революцию, приносящую огромные выгоды. Полезность паровозов с точки зрения выгода хозяев Манчестерско-Ливерпульской дороги — нуль по сравнению с тем, что означал паровоз для человечества. Подобная полезность выветривается в будущем, если открыта какая-то закономерность, получено новое оружие для технических сдвигов и переворотов.

Поски новаторов нужно направлять и поддерживать. Известно, что задачу эту не могли в полной мере решить предприятия при существовавшей прежде ведомственной разрозненности. Вот почему создание экономических районов изобретатели приняли с большой радостью.

В создании такой машины Ленинградский совнархоз меньше заинтересован, нежели другие, более богатые лесными разработками совнархозы. Однако Ленинград не отстал от изобретателя, а он выйдут два раза доклада, чтобы запросить поговорить о своем творении, которому отдало много дней и бессонных ночей.

Предстоит решить и многие другие вопросы. Предлагают разработать условия, обеспечивающие материальную заинтересованность руководителей предприятий, пехов в реализации новинки: широко поставить консультацию, техническую пропаганду при совнархозе; на производственных совещаниях обсуждать предложения рационализаторов и изобретателей... Люди хотят оперативности в работе и строгого соблюдения законов о вознаграждениях, об авторском праве.

В ОДНУ из комнат Ленинградского совнархоза члестенно заглядывают люди с потерянными, туго набитыми портфелями. Это — изобретатели. Обгоревшие привлекательным приемом, они тут же выкладывают на стол чертежи, детали, образцы. И глядя, новинка сразу же получает путевку в жизнь!

В прошлом было немало случаев, когда ведомства отмахивались от всего нового, что не подходило к их узкому профилю, оставшаяся равнодушными к судьбе «суженого» дела. Пример с машиной Бродягина показывает, что нигде нет чужого дела, если оно обещает пользу стране.

Учитывая все эти пожелания, Ленинградский совнархоз разработал проект положения о функциях и правах своего отдела изобретательства, а также же бюро на предприятиях и в больших цехах. Проект предусматривает много изменений в существующем порядке, поэтому он будет тщательно изучен, уточнен и затем утверждён.

Может создаться впечатление, что так легко открывается «заветная дверь» новому, потому что здесь и само-то учреждение новое, и люди новые, с не израсходованной еще энергией. А как все войдет в привычку, станет старым, то и дела пойдут по-старому, то есть без должной оперативности и чуткости. Нет, дело не в новизне учреждения, а в системе. И еще — дело в людях.

Перечень начатых отделом изобретательства дел можно было бы продолжить, но лучше назовем некоторые цифры. За первое полугодие на предприятиях Ленинградского экономического района внесено 68 тысяч рационализаторских и изобретательских предложений; осуществлено 39 тысяч предложений с годовою экономией в 193 миллиона рублей. Не рассмотрено свыше 10 тысяч предложений; принято, но не реализовано свыше 22 тысяч. Сюда следует добавить тот неразработанный новаторский багаж, который остался на долю ленинградцев от бывших министерств, и повседневный приток предложений.

Уже сейчас оживление и массовость новаторских дел принимаются такой размахом, что одного административного руководства им недостаточно. Совнархоз нуждается в регулярной и дружной помощи со стороны новаторов. Вот почему все чаще и настойчивее раздаются голоса о создании Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Начальник отдела изобретательства и рационализации технического управления Ленинградского совнархоза П. Святков был начальником бюро рационализации и изобретательства на Кировском заводе. Он, его заместитель И. Бузлов, старший инженер И. Дмитриев в прошлом немало сделали для реализации изобретений, страстно боролся за них, когда обстановка требовала этого. Но тогда они не имели необходимых административных прав.

Всё это, вместе взятое, дало основание старшему инженеру И. Дмитриеву заявить шутливо: «Мы получили богатейшее наследство и теперь барахтаемся в нем». Если же говорить всерьез, то сам Дмитриев и другие сотрудники работают уверенно, с увлечением и без тени растерянности перед горой материалов. С первых дней работы технического управления и его отдел изобретательства являлись разбирать «каждый» новинку, оценивать их и распределять по отделам и конструкторским бюро.

Известный новатор Кировского завода В. Я. Карасев, выступая на собрании ленинградского партийного актива, выдвинул конкретное предложение. «Существовало Всесоюзное общество изобретателей», — говорил Карасев. — Идея общества имелись на каждом предприятии. Это общество объединяло всех изобретателей и рационализаторов, работало с ними, защищало их интересы. Мне кажется, следует восстановить такое общество. Оно принесет много пользы».

О ДННАДЦАТЬ лет инженер И. Семенов добивался осуществления своего изобретения. Он разработал способ штамповки челноков и шестерней из березовой древесины и смолы под большим давлением. Получается нечто вроде пластмассы. Шестерни из нее служат вдове долгие стальные и бесшумные, челноки — вчетверо дольше обычных, сделанных из ценных пород дерева: бука и граба. На столе Петра Андреевича Святогора лежат бордово-коричневые челноки и шестерни. Кто-то стучит ногтем по челноку. Он звенит. Все смотрят на это чудо с любопытством, но никто не удивлен.

Да, много хорошего было в работе общества в тридцатые годы. Оно выносило на коллективные обсуждения новаторские предложения, подсказывало идеи, помогало изобретателям в период исканий, создавало бригады содействия автору, брало шефство над выдающимися изобретениями, организовывало соревнования, выставки, лекции и т. д. Существовали советы изобретательства и рационализации, а также конфликтные комиссии общества. Советы обсуждали новинки, следили за ходом их внедрения, а в случае волнения или сознательного противодействия им активно защищали права автора.

Да, много хорошего было в работе общества в тридцатые годы. Оно выносило на коллективные обсуждения новаторские предложения, подсказывало идеи, помогало изобретателям в период исканий, создавало бригады содействия автору, брало шефство над выдающимися изобретениями, организовывало соревнования, выставки, лекции и т. д. Существовали советы изобретательства и рационализации, а также конфликтные комиссии общества. Советы обсуждали новинки, следили за ходом их внедрения, а в случае волнения или сознательного противодействия им активно защищали права автора.

Уже так привыкли к феномену техники, что ничто не может порадовать. А ведь береза, заменяющая сталь, должна перевернуть в нашем сознании представление о березовой роше. Огненные она бунт как бы стальная роша. Правда, металлурги посмеются над нами и, конечно же, ни за что не согласятся включить березовые роши в металлургический баланс. Эти роши до сих пор числились в «балансе» поэзии: белая береза — лавиная героиня лирических стихов и песен. Но факт остается фактом: березовая шестерня оказалась выносливее стальной. И вот годами люди пытались удерживать красавицу-дерево в прежнем «самурае», а Семенов настаивал на своем, упорно стремился перекинуть березовый мостик на лирику в металлургию — пушкый, мол, и поэты пшшут, и металлурги пользуются.

В живописных окрестностях Наро-Фоминского района станции Наро, до сих пор сохранилась дача Янчинского. В мае 1903 года, когда здесь жил Антон Павлович Чехов, именно здесь писал он «Виноградный сад». И здесь же счастливо рукописи «Виноградный сад» случился несчастие. Неожиданно листья, исписанные Чеховым, оказались в руках и оставшихся писателем у открытого окна на письменном столе, было подхвачено внезапно поднявшимся ветром и унесено, в виноградный сад. А длинный дождь смыл с драгоценных листов написанное, и Чехову пришлось заново писать ряд сцен.

Нет сомнения, что воссоздание общества в современных условиях, когда так возросла техническая культура, так многосторонне развилась индустрия и так активны люди, принесет много пользы стране. Творческая энергия миллионов, изобретательский гений народа должны быть умело направлены в русло всенародного создания.

Сормовские сталевары. Картина художника Г. Саталы. (Всесоюзная юбилейная художественная выставка).

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«По касательной, мимо слушателя...»

ТАК называлась опубликованная 24 сентября 1957 года в «Литературной газете» статья, в которой на примере ряда популярных брошюр о литературе, вышедших Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, ставился вопрос о публичных лекциях, о малой их действительности и оторванности от задач современности.

Президиум правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний на своем заседании обсудил статью «По касательной, мимо слушателя» и признал содержащуюся в ней критику правильной. В письме в редакцию «Литературной газеты» заместитель председателя правления А. М. Делов сообщает: «Брошюры по вопросам литературы и искусства, выпущенные Ленинградским отделением Общества, написаны малопопулярно, трудно доступны для понимания массового читателя. В некоторых из этих брошюр авторы допущены элементы объективизма в изложении материала, содержании которого недостаточное увязывалось с насущными задачами современности».

«Односторонний разговор»

В КОНЦЕ сентября с. г. «Литературная газета» опубликовала статью «Односторонний разговор», в которой критиковалась работа литературно-критических отделов киргизских журналов «Ала-Тоо» и «Литературный Киргизстан».

Редакция журнала «Литературный Киргизстан» признала справедливыми критические замечания, содержащиеся в статье В резолюции, принятой на заседании редколлегии журнала, говорится: «Необходимо признать, что в последних номерах журнала «Литературный Киргизстан» отдел литературной критики ведется на низком уровне. Литературная критика, по существу, сведена к средним или посредственным литературоведческим работам, либо к кратким рецензиям на вышедшие книги, мало чем отличающимся от разрозненных аннотаций».

К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого

Началась подготовка к пятидесятилетию со дня смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, которое исполнится 20 ноября 1908 года.

По решению Министерства культуры СССР, в текущем году в Москве открыта выставка произведений живописи, графики и скульптуры, посвященная жизни и творчеству Л. Н. Толстого. К дате будет проведен конкурс на лучший проект памятника писателю в Москве.

Спектакль ясной мысли

КАЖДЫЙ РАЗ, когда появляется новое произведение, рассказывающее о Ленине, мы встречаем его с особым волнением и интересом.

Н. КРЫМОВА

Ленине, мы встречаем его с особым волнением и интересом. Поэтому так внимание привлекает постановка Малым театром пьесы Дм. Зорина «Вечный источник», в центре которой образ Владимира Ильича. Она не случайно названа автором «народной драмой». Народное, земное, значимое начало лежит в основе этого произведения, рассказывающего о стремлении народа к лучшей жизни, о том, какую силу творческие инициативы разбудила революция в массе простых людей России.

Внешне этот спектакль решен несколько условно. А условность в театре, как известно, вещь обоюдоострая. Она может помочь выражению существа пьесы, а может и затмить его. В данном случае спектакль тоже поставлен условно. Но это условность умная, помогающая делу. И лаконичное оформление, и общее режиссерское решение спектакля здесь отвечают характеру пьесы, ее публицистической основе.

Пьеса Дм. Зорина сложна и трудна для театра. Тут не ограничившись простым иллюстративным правдоподобием, как театры иногда довольствуются. Пьеса написана в острой, публицистической манере, ее можно назвать пьесой-спором, пьесой-диалогом. При постановке ее надо найти такое решение, при котором она этого своеобразия не потеряла бы и вместе с тем прозвучала живо и полномерно.

Перед нами раскрывается острый социальный конфликт деревни периода зпа. С одной стороны, — кулак и торгаш пытаются найти новые формы закабаления крестьян, с другой, — по инициативе бедноты, делаются первые попытки создания сельскохозяйственной артели. Положение осложняется тем, что враг маскируется, приспосабливается, он хитро извращает верные посылки, затуманивая головы тем, кто неопытен в политической борьбе.

В одной из подмосковных деревень свидетелем подобного конфликта становится Ленин. Во время отпуска, приехав в деревню, он оказывается в самой гуще ожесточенной классовой схватки. Ленин видит возникающую в самой жизни новую, коллективную форму труда, видит, как танцуют люди к новой жизни, видит и то, какую опасность таит в себе возвращение линии партии, от кого бы она ни исходило — от скрытого врага, от перегибщика или от неумного работника аппарата.

Внешне этот спектакль решен несколько условно. А условность в театре, как известно, вещь обоюдоострая. Она может помочь выражению существа пьесы, а может и затмить его. В данном случае спектакль тоже поставлен условно. Но это условность умная, помогающая делу. И лаконичное оформление, и общее режиссерское решение спектакля здесь отвечают характеру пьесы, ее публицистической основе.

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах великого сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе в качку славного юбилея и творческих замыслах. Нашему корреспонденту рассказали...

Ионас ДОВИДАЙТИС

РАЗУКРАЩЕННЫЕ золотом и пурпуром, опадают с деревьев листья. Мягко кружатся, они устилают ласковую землю, устлавшую от обильного урожая. И с таким же тихим шелестом улетають листы календаря. Год подходит к концу...

Нынешний, юбилейный год начинался для меня напряженным ожиданием. На краны республики должен был выйти художественный кинофильм «Мост», поставленный Литовской киностудией по моему сценарию. И я, сценарист-новичок, трепетно ожидал премьеры «своего» фильма, волновался, словно школьник перед экзаменом.

Литовская Советская Республика, с помощью братских народов великой Отчизны залечив раны, нанесенные гитлеровским лихолетьем, предвинулась колоссально вперед. Но за советскими рубежами есть еще немало обманутых, оторванных от родного литовского края людей, которых угнали в неволю фашистские оккупанты. И у меня возникла мысль — угнать судьбы этих несчастных, у которых украли родину, и пути тех, кто находит в себе решимость преодолеть прокис врагов и вернуться к родным берегам. Это должна быть большая книга, документальная повесть, для которой мне уже удалось собрать немало материала.

Работу над этой книгой прервала туристская поездка по маршруту Москва—Прага—Лондон, с морским путешествием вокруг Скандинавии. Какая масса новых впечатлений! Я убедился в огромном интересе простых людей Англии и других стран к великой стране социализма. Такие впечатления вдохновляют и обязывают писателя!

Долг литераторов — всеми силами участвовать в великом созидании немеркнущего величия и мощи Отчизны, под руководством партии вести неустанную борьбу за духовную чистоту советского человека... Кончается год. За окном опадают осенние листья. Это действительно золотая осень, и дышится легко и радостно и, как никогда, хочется трудиться, творить.

Фатех НИЯЗИ

МНЕ задают вопрос: какой год из сорока советских лет мне наиболее памятен? Перелетаешь страницы воспоминаний — и увидишь тысячи замечательных дат, самых разнообразных по своему характеру и значимости: то новый ирригационный канал вступил в строй, то пущена крупная электростанция, то дорога проложена через кручи и перевалы, то город возник в пустыне, то высшее учебное заведение открылось...

Впрочем, не одни только красивые праздничные числа имеются в календаре нашей памяти. Мы хорошо помним и годы потерь, невзгод, когда мы, стиснув зубы, преодолевали невероятные трудности и лишения. Как живая, встает передо мной картина: фашистские полчища бомбят Сталинград, обстреливают его с ближайших подступов и сбрасывают листовки, в которых хвастливо заявляют, будто Советская власть доживает последние дни, кричат по радио «сдавайтесь» на многих языках, потому что под Сталинградом сражались не только русские бойцы. Я — политбратник — пробирался на передовую линию, чтобы там, в окопах, разъяснить живость вражеской пропаганды. И что же! На участке своего подразделения я нахожу костер, в котором бойцы сжигают фашистские листовки. «Мы развеяли эту брехню по ветру, — смеясь, говорит они. — Придет срок, и самих брехунов развеет так же».

Там, под Сталинградом, я встретился с героями своей будущей повести «Верность». Мои любимые герои будут жить и во второй части повести, которую я заканчиваю. Недавно я ездил на Каратегин. Там среди горных хребтов раскинулась огромная долина Вахш. Она названа именем легендарного коня, на котором совершал свои подвиги богатырь Рустам. Только ему, Вахшу, было под силу добраться до этой долины, отрезанной горами от всего мира... Ныне в долину Вахш ходят автомашины, там работают тракторы и комбайны. После открытия на землях этой долины будут производиться самые разнообразные сельскохозяйственные культуры. Я видел в кишлаке Вахш молодых геологов, почвоведов, мелиораторов, я встречался там с юными учителями и врачами. Я хочу в своей новой повести рассказать об этих молодых романтиках.

Субгат ХАКИМ

ПАМЯТНЫХ дней и лет много... В мою память особенно врезался 1943 год. Я участвовал в знаменитых боях на Курской дуге. Не как поэт, нет, а командиром стрелкового взвода. Солдата на войне вдохновляет великое чувство — чувство превосходства над врагом. Все величие, всю красоту этого чувства я испытал именно здесь. Ты, советский солдат, увидев, что превосходишь врага техникой и умением лучше использовать ее. А в моральном отношении ты стоишь на недостижимой высоте — высоте человека, осуществляющего самые священные идеи и желания человечества. Эти хорошие, добрые качества, это историческое превосходство воспитала в тебе Советская власть, и в трудную минуту они незаметно поднимаются откуда-то из глубины, ступают и приносят тебе ощущение гордого счастья за свою Родину, свой народ. В июле того же 1943 года партия вручила мне самое дорогое для меня — партийный билет. В минуты затишья между боями, в воронке от разорвавшегося снаряда произошло это. Много лет в моем партбилете оставался фотокрточка с эле видным изображением, снятая тогда в единственно «удобном» месте, в той вид воронке. Разве можно забыть этот год!

Большие чувства, переживания, связанные с судьбой страны, никогда не находят покоя, проходит время — они вновь и вновь окатывают тебя, и ты не можешь не писать. Пьесы «Курская дуга», «Песня степи» и многие лирические стихи написаны мной на материале тех дней. Эта тема меня продолжает волновать.

КАЗАНЬ

Колл с правдой, так не один.

Ал. ДЫМШИЦ

АЛЕКСАНДРА РОЗЕНА мы знали до сих пор как автора повестей и рассказов. В его книгах было место занимала военная тема: он писал о делах и людях нашей армии, о жизни ее в дни войны и в дни мира.

Теперь А. Розен впервые выступает с романом. И в этом новом произведении писатель по-прежнему верен своему любимому жизненному материалу. Чувствуется — по мельчайшим деталям описания, — что А. Розен сам пережил времена, показанные в романе, что он жил в Ленинграде первого послевоенного года, что он трудился и воевал в Ленинграде блокадных лет, воспоминаниями о которых пронизаны многие страницы романа. По всему видно, что писатель знаком с жизнью армии, что он изучал характеры военных людей. Роман читается с интересом: волнует нарастающий драматизм повествования, живой рассказ о судьбах людей, о их борьбе, переживаниях этой борьбы. Радует четкость авторской общественной позиции, определяющей все основные идейно-художественные решения в романе, — четкость позиции, выражающаяся не только в отношении писателя к изображаемым событиям и лицам, но и в отборе средств изображения.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ одержали победу над фашизмом. Вышли из войны лезвием, мужественно выдержавшие все 900 дней лютых вражеской блокады. Вышли из огня боев и вернулись к мирному труду, простые советские люди, обогатившие великим опытом старшего лет войны и готовые стать надежными воспитателями подрастающих поколений. Вышли победителями из яростной битвы войны Советской Армии и, вернувшись на Родину, тотчас же приступили к мирной учебе. Пройдя через бесчестные испытания, советские люди подошли к новым рубежам борьбы за прекрасное будущее народа.

Именно таким — устремленным вперед, несмотря на все пережитые трудности, — таким мы герои романа: майора Федорова и Катю Вязникову, генералов Шеварова, Северова, Полозова, военных политработников Ветлугина и Маричева, старую коммунистку Мостовую. К этому перечню можно добавить и комсомольского работника Люконтину, и коммуниста Бальчева, и многих других персонажей романа. Да, прекрасно общество, которое воспитало таких отличных людей, которое живет на высоких коммунистических принципах и идеалах, сыны которого достойно представляют в жизни эти принципы.

С большой любовью написаны в романе А. Розена образы положительных персонажей. Это чудесные советские люди, горячие патриоты, охваченные трудовым энтузиазмом и творческим горением. Даже те из них, которые не избавлены от ошибок и заблуждений, в основе своей — люди честные и преданные народу. «Война любит труженников», — говорит о них в романе. И автор рассказывает о том, как труженники войны оказываются по-настоящему творческими людьми.

Высокая партийная принципиальность характеризует положительных героев произведения. Иван Федоров, не сгибавшийся под ударами противника, упорно отстаивает свои взгляды и убеждения. Политработник Ветлугин — человек большого нравственного облика — покаан как верный солдат партии. Вставая против самодурства Бельского, он произ-

носит прекрасные слова: «И ежели вы в самом деле думаете, что «теперь все можно», то я буду обращаться к первому нашему комиссару — в Центральный Комитет партии». Старая коммунистка Мостова, боец ленинской гвардии, появляется в романе эпизодически, но обрисована она ярко и выразительно. Партия как ведущая и организующая сила нашего общества чувствуется на протяжении всего романа, свет ее идей озаряет и время, и лучших людей.

ВРЕМЯ ВОЙНЫ, время величайшего народного героизма было и порой огромных трудностей. Этими трудностями пытались воспользоваться в своих низких целях духовно грязные, безыдейные людишки, карьеристы и шкурники. Не брезгая ничем, выступая под личиной «патриотов», они стремились «войти в силу», приобрести «власть», захватить «посты». Иные из них успели проникнуть на высокие должности: это — комдив Бельский, замполит Кирпичников.

Каждый из них представлен писателем как индивидуализированный характер, у каждого — своя биография, свои особенные психологические черты. Бельский, например, действует хитростью, лукавством, — этот самодур и грубиян в обращении с подчиненными, ловко преобразившись перед лицом начальства. Озабоченный честолюбием Кирпичников — типичный клеветник, мастер шантана и заигрывания, анонимных завлечений и ложных «сигналов». Расинцев — совершенный холуй при своем шефе, мелкий паносник, живущий по формуле «чего изволите?». Симочка Милецкая — откровенная карьеристка, прибегающая, подобно Кирпичникову, к методам лжи и обмана, но действующая под видом святой невинности.

При всем разнообразии индивидуальности этим отрицательным персонажам свойственны и общие черты. Каждый из них — и это особо подчеркивается биографическими отступлениями, введенными автором в повествование, — представляет собой разновидность того типа, который Горький метко и точно назвал «механическим гражданином». Для людей такого рода нет и не может быть высоких побуждений; дух корысти и карьеры владеет ими сполна, и «патриотические» речи и заклинания, к которым прибегают такие люди, представляют собой чистейший обман, превращившийся в привычную мимикрию. По своей общественной сути они — паразиты. Дух творчества, труда и учебы чужд им самым решительным образом, они — «бумажные души».

«Лентил лучше всех изобретает бумажные дела», — отлично сказано А. Розеном о Расинцеве. Но и Бельский по сути дела не что иное, как ловец и «творец» начальных страниц надписей на бумагах, канцелярская душа, мечтающая прожить во всеоружии шпатель. Фетишизм бумажных, оптических вместо настоящего дела, системы фраз вместо правды захвачены и Симочка, и Кирпичников. Вот почему они так ненавидят все живое, вот почему они ненавидят дух творчества, критики, правды. Обличение этих «механических граждан», этих лжепатриотов, этих опасных тулупов, безусловно, сильная сторона нового произведения А. Розена.

Ярко показав ряд отрицательных характеров, автор ничуть не преувеличил их опасности. Тема общечеловеческого Бельского и Кирпичникова последовательно проведена через весь роман. Бельский, Кирпичников, Симочка,

говорит нам автор всей логикой сюжетного развития и соотношения образов, слабее, чем Федоров, Ветлугин, Катя. Их наглость — признак слабости, а не силы, под личиной дерзости в них таится страх. Особенно отчетливо это видно на Бельском, который, временно обладая властью, боится всех и всего: и твердости майора Федорова, и знаний генерала Северова, и благородства своей жены. Это страх перед людьми, кровно связанными с природой советского общества, — страх перед самим советским обществом, перед его нравственными законами и принципами. Крушение Бельского, крах Кирпичникова, падение Расинцева и катастрофа Симочки закономерны, их поражение — это победа нашего общества.

НЕ СЛЕДУЕТ ДУМАТЬ, что в романе А. Розена люди выписаны в два цвета, что они резко делятся на положительных и отрицательных. Автор далек от наивной и антихудожественной схемы. Он внимательно проник в обстоятельства, определяющие поступки его персонажей, он тонко продумал психологическое состояние многих из них. В сильном характере Шарова он сумел открыть ряд слабостей и увидел, как природа отношений нашего общества привела к их преодолению. Он показал, как в слабобольном Камышине честность и принципиальность взяли верх над оппортунизмом, как неделекая, трогательно наивная Тамара Федорова — человек чистой души и твердых нравственных представлений — выросла в борьбе со злом в настоящего, отважного защитника правды.

Чрезвычайно характерно и самое содержание борьбы между Федоровым и Бельским. Вопрос об оценке Новинской операции, составившей гордость и славу дивизии в годы войны, превратился для Федорова в проблему глубокого новаторского смысла. Нисколько не снижая значимость операции под Новинском, Федоров вскрывает в ней ряд ошибок и просчетов, подходит к ней самкритически, стараясь извлечь из нее необходимые уроки для будущего. Такому подлинно творческому подходу решительно противится Бельский. Что ему поиски правды, что ему критическая мысль? В критике Новинской операции он усматривает только «погрешение основ», покушение на его, Бельского, авторитет. Но за Федоровым правда, за ним признание всех мыслимых ошибок, за ним народное мнение, — то самое мнение, которое услышал генерал Шаров во время учений из уст рядовых бойцов. И чванное невежество Бельского отступает в конце концов перед дерзкой, самкритической мыслью Федорова и его товарищей.

НЕ ВСЕ в романе А. Розена представляется написанным с равной глубиной мысли и художественной выразительностью. Есть в нем и образы, безусловно заслуживающие дальнейшей разработки. Таков, на наш взгляд, образ Катю Вязниковой, выписанный несколько однолинейно, без блесклыми красками. Бальчеву автор определил, в сущности, только «подсобную» сюжетную функцию, — как личность, как характер он его не написал. В эпизодическом отступлении тема Бельского и его подданных — об их судьбах, как и судьбе Симочки Милецкой, читатель почти ничего не узнает.

Но значение романа «Времена и люди» меньше всего может определяться его отдельными недостатками и творческими просчетами. А. Розен написал произведение, призывающее вести наступление против пережитков прошлого, опираясь на неодолимую силу нового, на законы и принципы нашей идеологии, нашего общества.

17 НОЯБРЯ исполнилось двести лет со дня основания Академии художеств — ныне Академии художеств СССР.

Первые же выпуски учившихся в академии молодых художников, скульпторов и архитекторов дали стране таких мастеров, как В. Баженов, И. Старов, А. Лосенко, Ф. Рокотов, М. Козловский, Ф. Шубин, И. Мартос и другие, произведения которых не только были на уровне тогдашнего мирового искусства, но часто в значительной степени превосходили этот уровень.

Однако всеобщее признание русского искусства наступило несколько позже, когда развернулось творчество таких гигантов, как К. Брюллов и А. Иванов.

В середине XIX века внутри академии зрело новое направление в искусстве, основанное прежде всего на пристальном изучении современной жизни, во всем ее разнообразии. Во второй половине XIX века этому направлению суждено было стать могучим потоком идейного, демократического реализма. Художники этого направления, в основном выдающиеся в Товариществе передвижников выставки, в короткий срок подняли русское искусство на идейную глубину и реализму образов на небывалую высоту. Их мечта всем нам бесконечно дорога. Это — И. Репин, В. Суриков, И. Крамской, В. Васнецов, В. Верещагин и многие другие. Почти все они учились в академии, сохранявшей, несмотря на свой идейный консерватизм и отрыв от жизни народа, значение школы высокого мастерства.

Особую роль в это время сыграла деятельность П. П. Чистякова, создавшего стройную систему преподавания рисунка и живописи.

БЕСЕДА С ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР М. МАНИЗЕРОВ

Надо сказать, что не на всем протяжении своей истории академия вела прогрессивную линию в развитии передового, демократического искусства. Сказывалась гнетущая роль самодержавия, своим грубым произволом сковывавшего рост художественной культуры.

В девятнадцатых годах были предприняты меры к идейности деятельности академии. В ее состав и к руководству художественной школой были привлечены выдающиеся художники-передвижники И. Репин, В. Маковский, Н. Дубовской, А. Куняжин, В. Беклемышев, Г. Залеман и другие. В Москве с этого же примерно времени развернулась педагогическая деятельность В. Серова, К. Коровина, С. Малютина, А. Архипова, В. Васнецова, В. Бакшеева, С. Волнухина и других.

Учившиеся у них в первые годы XX века художники, вся работа которых протекала уже после Великой Октябрьской социалистической революции, составляя сейчас старшее поколение советских художников-реалистов.

В 1933 г. Академия художеств была воссоздана, как Академия художеств РСФСР, а в 1947 г. преобразована в Академию художеств СССР. Советом Министров СССР был утвержден ее устав и назначен первый состав акаде-

миков, в дальнейшем неоднократно пополнявшийся лучшими художниками и скульпторами Советского Союза.

Поставленные партией перед Академией художеств СССР задачи ориентируют ее на активную борьбу за высококачественное современное искусство социалистического реализма, искусство, близкое народу, отражающее его думы и чаяния.

Перед академией — творческим, научным и учебным центром изобразительного искусства — поставлена роль последовательной и принципиальной борьбы с буржуазными влияниями в области эстетики и творческой практики.

Хотя времени со дня преобразования Академии художеств прошло не так уж много — всего десять лет, однако можно с уверенностью сказать, что сделано немало. Особенно радуют нас успехи молодого поколения художников, за последние годы окончивших художественные институты страны. Разнообразие их талантов при растущем мастерстве позволяет нам заглянуть в светлое будущее советского искусства, успешно развивающегося на основе благоприятного метода социалистического реализма, и жаждать от него великих достижений.

Наша эпоха борьбы за коммунизм предъявляет художникам, а значит, и Академии художеств СССР все более высокие требования. Выступления тов. Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» — обширная программа нашей дальнейшей деятельности. И мы приложим все усилия к тому, чтобы с честью выплнить эту программу, составившую часть общенародной борьбы за коммунизм.

Первый номер журнала «Урал»

С ЯНВАРЯ будущего года начнет выходить новый ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Урал» — орган Свердловского отделения Союза писателей. Наш корреспондент связался по телефону с главным редактором «Урала» О. Корниловым и попросил рассказать о задачах и планах журнала.

— Редакция стремится, — сказал тов. Корнилов, — чтобы журнал был интересен и полезен для читателей. Мы располагаем, например, романом Нины Полозовой, рассказом Юрия Хазановича, повестью Юрия Хазановича, повестью Альберта Яновлева, посвященную рабочим тагильских заводов, и Ивонетте Борисова, в которой показаны жизнь и творчество уральского завода. Таким образом, первые номера журнала будут посвящены основным произведениям уральского искусства.

— Нам кажется очень интересным, когда не публикуются рассказы о жизни и творчестве «Сорочья поляна». В ней описана жизнь уральской бурсы в прошлом, а также описаны специальности, это остро социальное произведение не было в свое время опубликовано из-за цензурных разговоров. Мы собираемся опубликовать этот рассказ О. Марковой «Облака над степью» о молодых людях, которые стремятся к свету и выступают на пути поэты Л. Татаринова, Л. Сорokin, Ю. Трифонов, Х. Куштур, Е. Руманский.

— Не стану скрывать, что, что составляет содержание первой книги, но называю еще одну книгу, которую мы собираемся опубликовать, — это «Сорочья поляна». В ней описана жизнь уральской бурсы в прошлом, а также описаны специальности, это остро социальное произведение не было в свое время опубликовано из-за цензурных разговоров. Мы собираемся опубликовать этот рассказ О. Марковой «Облака над степью» о молодых людях, которые стремятся к свету и выступают на пути поэты Л. Татаринова, Л. Сорokin, Ю. Трифонов, Х. Куштур, Е. Руманский.

Роман Роллан в схватке

И. АНСИМОВ

Каждое произведение Роллана — это мир идей. В драмах, жизнеописаниях, романах господствуют героические образы, однако эмоциональная приподнятость и даже взвинченность прозы Роллана неотделимы от развития питающих ее идей. И далеко не всегда роману или драме удается возвать в себя сложный мир идей, которые развивает и защищает автор.

В периоды бурных социальных потрясений в творчестве Роллана приобретает важнейшее значение публицистика, всегда связанная с его художественными произведениями, дополняющая, договаривающая, а иногда опережающая их.

Если раньше творчество Роллана не знает публицистики в собственном смысле слова, то в годы первой мировой войны, приводит к такому глубокому творческому публицистике, что крупнейшее художественное произведение этого времени — роман «Клерамбо» — не только отступает на второй план по сравнению с получившими всемирную известность сборниками статей «Над схваткой» и «Предтечи», но и становится лишь отражением публицистики. Это придает ему значение очень ценного документа, но в художественном отношении роман нельзя сравнить ни с предшествующим ему «Жан-Кристофом», ни с «Очарованной душой», последовавшей за ним.

После того как исследователи стали доступны «Дневники военных лет», значительно углубившее представление об отношении Роллана к империалистической войне, сделало еще более ясным, что в эти годы завершился один период идейных исканий и творчества Роллана и начался другой, что переход из одного состояния в другое был бурным, мучительным и тяжелым.

В свете новых данных еще более возрастает значение знаменитой исповеди — «Прошание с прошлым», написанной в 1931 году и оценивающей противоречия идейно-политической позиции автора в годы войны уже с революционной точки зрения. Это тем более важно сказать, что за последнее время предпринимаются попытки замолчать это великое роулановское произведение и создать неправильное, искаженное представление о том, каков был идейно-творческий путь писателя. Так, в книге Ж. Б. Баррера, содержащей очень ценные тексты Роллана, среди которых есть немало публикуемых впервые, «Прошание с прошлым» не только не упоминается вовсе, но сделана даже попытка представить развитие Роллана в вид, ставший эволюцией, исключившей какие-либо революционные толчки.

Баррер приводит неопубликованную запись Роллана, датированную 25 января 1925 года, в которой подчеркивается, что название знаменитой антивоенной статьи Роллана «Над схваткой» не следует понимать как призыв к самоустрашению от какого-либо вмешательства в кровавый конфликт, терзавший все человечество, а напротив — означает лишь специфическую форму действия.

«Случайный заголовок «Над схваткой», которым размахивал среди схватки человек, готовый захотеться, — подняв руки, он открывает рот, кричит, хочет перевести дыхание, истлевший оксфордскими, и наконец издает пронзительный вопль, — этот заголовок меня предал. Он должен был выразить состояние человека, над палубой взброющегося по веревочной лестнице, сбитой ветром. И это было так. Но не обращая внимания на то, чего искал взор человека, вскачь над кораблем, а взор его искал путь корабля, человек на веревочной лестнице был сигнальщиком. Он не покидал корабль. Если корабль потонет, он потонет вместе с ним. Но его долг не вмешиваться в сутолоку вину. Он находится на посту. Он видит наблюдение, чтобы обнаружить препятствия, скрытые рифы, перекосы подводной лодки.

И хочу сказать, что это знаковое мне трагическое видение, это состояние сторожевого, находящегося на посту, не покидало меня никогда. И именно в это время я написал «Прошание с прошлым».

Мы приводим эту весьма интересную выдержку не в противуположность Барреру, извлекаем ее из архивов Роллана, не можем не обратить внимание на чисто психологический характер

данного в ней очень важного разъяснения. Так как Роллан неоднократно возвращался к этому вопросу и неоднократно рассуждал о социальном политическом аспекте, мы приведем и другие соображения автора по поводу смысла слов «над схваткой».

Конечно, автор «Жан-Кристофа» не мог оставаться в позе пассивного наблюдателя, и его призыв оставаться «над схваткой» ни в коем случае не означал приглашения к спокойному, незаинтересованному созерцанию. Слабость позиции Роллана заключалась не в этом. Достаточно прочесть роман «Клерамбо», в котором даны подробные и разносторонние комментарии, позволяющие глубже выникнуть в умонастроение Роллана тех лет, чтобы убедиться о его позиции стала очевидной. Недаром первоначальное название романа было «Один против всех». Оно, конечно, тоже не было, как подчеркивает сам автор, «вызывающей претензий противопоставить одного человека всем». Однако философ романа заключался именно в обоснованности, в круглом отношении роман нельзя сравнить ни с предшествующим ему «Жан-Кристофом», ни с «Очарованной душой», последовавшей за ним.

Ж. Б. Баррер необоснованно стремится сделать это состояние Роллана неизменным и старательно подбирает в своей книге цитаты, которые подчеркивают стремление Роллана погрузиться в одиночество непоколебимую моральную силу. Он пытается представить Роллана в виде мужественного одиночки, который упорно держится того мнения, что это есть наилучшая позиция. Такие настроения были, безусловно, свойственны Роллану в определенный период его творческого развития, и Ж. Б. Баррер не фальсифицирует цитат в том смысле, что он их не выдумывает, но он фальсифицирует не что большее — историю творчества Роллана, поскольку он пытается скрыть от читателя, что эти настроения были отброшены Ролланом и сменялись уверенностью в победе социальной справедливости, новым отношением и политикой и социальной борьбе, новым пониманием взаимоотношений между писателем и народом.

В новом освещении предстает и формула «над схваткой». Вот что говорит о ней Роллан в тридцатых годах: «Меня старались обогатить, приспавывая мне немощество, на том основании, что я стал «над схваткой» наций, и не обращали внимания на то, что я боролся больше, чем кто-либо другой и что я только предлагал схватку более обширную (с моей точки зрения) и более важную».

И в другом месте: «Над схваткой» националистического прошлого, которое ожило в Европе, звали ее потоками крови, но «в схватке» решительной, или, лучше сказать, в организованной борьбе, против всех угрожающих сил прошлого, чтобы воздвигнуть новый мир, Союз Социалистических Советских Республик Труда человеческого».

Удивительно, что Ж. Б. Баррер при всей его скрупулезности не заметил и не привел эти замечательные суждения Роллана, свидетельствующих о том, что он был намного сложнее и грандиознее того спокойного эстетиста, которого из него пытаются сделать.

Великий перелом в творчестве Роллана связан с теми выводами, которые он делает из опыта первой империалистической войны, и с влиянием на него Великой Октябрьской революции, о чем Баррер также предпочитает умалчивать.

«Прошание с прошлым» дает очень точную, обильно документированную картину, показывающую, как совершаются решающие перемены во взглядах Роллана. Необходимо отметить, что это произведение возникло из намерения автора прокомментировать сборники «Над схваткой» и «Предтечи» с новых позиций, на которых он находился к началу тридцатых годов. Чтобы восстановить в памяти прошлое, он пересел тогда еще никому, кроме самого автора, не доступный «Дневник военных лет». Он очень серьезно готовился к созданию своего нового произведения, которое он по праву назвал своей «исповедью».

Полные энтузиазма выступления в защиту Советского Союза свидетельствуют о том, какой на (Окончание на 4-й стр.)

Сцена из спектакля «Вечный источник». В ролих: В. И. Ленина — артист С. Маркушев, Мартына — артист Б. Телегин, Оленьки — артистка Л. Бузина. Фото А. Липина

такля, потеряв крах в деревне, он не падает духом. В кожаной куртке, с кожаной сумкой под мышкой он уходит в город «искать должность», убежденный, что «пока есть должность — и для меня есть место на плане социализма»...

Постановка «Вечного источника» — бесспорная удача Малого театра.

Но вот смотришь спектакль, и рядом с увлекшей тебя сценой вдруг появляется слабая, приносящая разочарование. Дело, очевидно, в том, что действие в пьесе иногда подменяется иллюстративными разговорами. И в спектакле, несмотря на то, что в целом он очень энергичен, выразителен, в этих сценах (особенно 3-й акт) внимание зрителя падает.

Нам кажется спорным и выходящим на первый план личную драму Мартына, его жены Василисы и Гарасыча, к которому без оснований ревнует жену Мартын. Когда личная нена-

вист Мартына к Гарасычу становится главным препятствием для вступления в брак, то тем самым смысл событий затуманивается. В таком ясном политическом спектакле это обращается ненужной мелодрамой.

«Вечный источник» — спектакль монументального стиля. Но иногда чувствуется мерцающий и вкус изменчивости постановочнику, и в этих случаях сразу появляются поза и ложная многозначительность. Но в целом работу режиссера Б. Бабочкина, художника А. Босудова и актеров театра над пьесой Д. Зорина хочется приветствовать. К трюндной пьесе найден верный ключ. Чувствуется горячее отношение коллектива к работе.

Подлинно гражданский темперамент, свойственный Борису Бабочкину-актеру, сказывается и в его режиссерской работе, объединил артистов и художников, помог донести до зрителя пафос пьесы.

ВСТРЕЧА ПОЭТОВ ДАГЕСТАНА

В ДАГЕСТАНЕ прошли вечера поэзии народов Северного Кавказа. На встрече с читателями съехались писатели и артисты. В клубах, на предприятиях, в колхозах и вузах на 17 языках народностей Северного Кавказа звучали стихи.

Вечера закончились общегородской встречей в Махачкале. С вступительным словом о поэзии братских республик Северного Кавказа выступил председатель правления Союза писателей Дагестана аварский поэт Р. Гамазатов. Горячо встретили собравшиеся выступления кабардинского поэта А. Шогенукова, балкарца К. Кулиева, осетин Х. Плиева и Г. Кайтукова, алдыгца И. Машиба, даргинца Р. Рашидова, народного поэта Дагестана Лезгина Т. Хурюргского, старейшего поэта Северного Кавказа кумыка А. Казия, москвича Г. Горпотаева, лака Ю. Хапалаева, поэта из Каспия М. Трунова, поэтесс из Хунзахы Ф. Алиевой и других. Вечера северокавказской поэзии проводил знакомый писатель и журналист К. Сулейманов.

ВЫСТАВКА СОВРЕМЕННОЙ ШВЕДСКОЙ КНИГИ

В ЧЕРА торжественно открылась выставка современной шведской книги, организованная Государственным издательством имени В. И. Ленина совместно со шведской Королевской национальной библиотекой. На выставке экспонируется около 800 книг — научные труды по литературе, географии, технике, истории, философии, искусству, спорту, разный рода учебники, детские книги. Внимание посетителей привлекает старинная шведская литература. Здесь, наряду с сочинениями шведских литераторов, — книги русских писателей, изданные за последние десятилетия. Среди них: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, Сельвинского, Шолохова и других. В настоящее время в Стокгольме в Королевской национальной библиотеке экспонируется выставка советской книги.

ПО ЗАПАДНОЙ
ГЕРМАНИИ

Чужое чудо

2. ЭТО БЫЛО в Бонне, в «столице чуда». Я возвращался из кинотеатра. Картина называлась «Как прекрасен мир!». Самого мрачного скептика могла бы она привести в хорошее настроение. Знаменитый певец бросает сцену и организует деревенский театр. Его идеалом сочувствует дочь крупного промышленника, и они вместе несут искусство народу. На фоне мягких и живописных баварских пейзажей расцветает их любовь. Картина выдержана в розовато-солнечной гамме и словно пронизана вострогом по поводу «чуда».

— Дверь гостиницы открыла фрау Беккер, женщина с удивленным лицом и грустным взглядом. Впечатление такое, будто фрау постоянно занята какими-то своими мыслями и плохо прислушивается к собеседнику, хотя все желания гостя выполняются с завидной быстротой и аккуратностью.

Я спросил ее, видела ли она фильм «Как прекрасен мир!». Впервые я заметил некую видящую улыбку на бледном лице женщины.

— Как прекрасен мир! — повторила она. Нет, она не ходит в кино и вообще никуда не ходит. От зари до поздней ночи фрау мечется по коридорам и лестницам, моет посуду, подогревает ванны,водит гулять хохлатого розовощекого мальчонка и тоскует о своих собственных двух дочках, которых пришлось отдать в сиротский дом. Поздно вечером фрау валится обессиленная на раскладушку в углу коридора. Какое уж тут кино!

Наверное, не об этой фрау и не о сотнях тысяч таких, как она, разглагольствуют боннские политики, утверждая, что «рабочий в ФРГ не тот, что прежде», что социальное законодательство, мол, ставит его чуть ли не в равное с предпринимателем положение.

Социальные законы, к сожалению, отличаются одним немаловажным недостатком. Из двух «социальных партнеров», как любит говорить Аденауэр, то есть предпринимателя и рабочего, первый может уволить второго, а второй первого нет!

Об этом не задумываются некоторые пропагандисты «чуда», но это хорошо знает фрау Беккер. Она давно уже не верит в благодать законов, в то, что ее жизнь станет когда-нибудь лучше. «Если нужно отказаться от всего, то я смогу отказаться», — говорит она, и только эта смиренная философия облегчает ей жизнь.

В той же гостинице работает старушка, давно перешагнувшая, как говорится, пенсионный возраст. Все время она то шопалет, то стирает, то вытирает пыль, то шьет, то моет посуду. Довольна ли она жизнью?

— Могу ли я быть довольна? — со вздохом говорит она. — Живу тут, как говорят, на милость людскую. Но бывает и хуже. Видели ли вы нищих, что стоят на улице около главного вокзала в Бонне? Один сидит прямо на тротуаре с фуражкой между перебиленных ног. Его всякий и толкнут, и обидеть может. Но наш пастор говорит: когда господь наш ходил по земле, то и тогда имелись богатые и бедные, и мы не должны никому завидовать...

Да, я видел этих нищих с протянутой рукой у знаменитого Нельсона собора и на папертах церквей в Мюнхене и Гамбурге.

Церковь глубоко проникла в жизнь миллионов обездоленных в этой стране, где улицы кишат монахами и монашками. Они шагают в небо, взоры их устремлены в небо, как шпиль немецких церквей.

Так и не увидела фрау Беккер «Как прекрасен мир!». Пришлось бы заплатить 3—4 марки, а если их всего 60—70 за месяц в обход всяких законодательств?

Многие получают еще меньше, чем она. Просто удивительно, сколько вокруг «мальчишек», «распыленных» и прочих малолетних помощников, работающих ничуть не меньше взрослых, но оплачиваемых намного ниже. Говорит ли в пользу «чуда» то, что родители вынуждены посылать детей не в школу, а на работу?

Плату, и немалую, взимают не только за обучение в университете, но и в старших классах средней школы. Позволив себе такую роскошь, как дальнейшее образование детей, могут далеко не все. Студенты в огромном большинстве вынуждены добывать средства на жизнь и оплату обучения работая: в каникулы они батрачат у кулаков, наймаются на стройки. В Гамбургском порту много грузчиков-студентов.

Впрочем, жизнь давно привыкла почти каждого гражданина западных стран думать, что счастье можно найти не на университетской скамье... Мужчина должен уметь наживать деньги, а у женщины есть другая возможность. Что ждет, например, нашу знакомую, заставшую у магазинной витрины?

Раскройте любую газету. Вы обязательно увидите обширный отдел «брачных объявлений». Их дают, главным образом, женщины.

«Молодая, привлекательная, рост 1 м 64 см, брюнетка с темными глазами ищет спутника жизни, имеющего гарантированный доход».

Это очень страшно: быть молодой и привлекательной и искать в спутника жизни любого, лишь бы с доходом! А дальше еще страшнее.

«Кто откликнется на мечту красивой девушки о доме и семье? Вдовы и инвалиды не будут отвергнуты».

Потом идут объявления без всяких условий, безоговорочные: «Желаю весело проводить время».

От души хотелось бы, чтобы девушка, которую я видел у витрины, нашла хорошего мужа. Очень отрадно было бы, если бы парень имел деньги на покупку хоть самых нужных вещей. Пусть даже он будет найден по объявлению. У нас — свои нравы, в Западной Германии — свои. Не будем лезть со своим уставом в чужой монастырь.

Жалко только, что нередко, отчаявшись дожидаться, изнемогая на грошовой жалованье, девушки начинают добывать деньги иным способом. И тогда — печально-знаменитый «Респербан», квартал публичных домов, как он зовется в Гамбурге.

Но будем все-таки надеяться, что девушка не встанет на скользкий путь.

Как говорится, дай ей бог хорошего жениха. Пусть это будет, скажем, учитель. Какое экономическое «чудо» не коснулось своим крылом учителя боннской республики и не оставила им на память золотого пера... Учителеское жалование чуть выше пособий по безработице.

Не пожелаю бы мы ей и такой импонирующей, на первый взгляд, партии, как писатель. Писатели, даже самые известные, не могут обеспечить себе прожиточный минимум литературной работой. Они проводят время в поисках «халтуры» на радио, телевидении, а главным образом, в рекламных агентствах. Довольно ехидно заметила одна немецкая газета, что горько «экономическое чудо» хотят воздвигнуть рядом с ним «чудо литературное» — сделать ведущим жанром рекламу...

Какого же «верного» жениха пожелала девушка? Разве что дельца, связанного с поставками для бундесвера...

Нам вовсе не хочется видеть многого темного. У нас не найдется человека, который возразил бы против того, чтобы юнхенский шофер ежедневно пил пиво (разумеется, не за рулем), фрау Беккер забрала детей из приюта, обитатели 4 000 бараков-временок в Гамбурге переселились в новые, хорошие дома. Нам было бы очень приятно, если бы исчез, наконец, дом-инвалид в Бонне, что напротив отделения ТАСС. В этом доме разрушены третий и первый этажи, живут только на втором, куда ведут мостик с предостерегающей надписью: «Вход на собственный страх и риск». Кто может равнодушно пройти мимо того факта, что люди, не имеющие жилья, ютятся в «блоках», бывшего фашистского концлагеря Дахау?

У правительства Аденауэра немалые расходы: бундесвер и его вооружение. Президент статистического бюро Герхард Фюрст недавно заявил: «Все, что государство расходует на пушки и ракеты, не имеет никакого отношения к общественному порядку, отнесено за счет масла...»

Но, может быть, все-таки государство найдет методы повысить жизненный уровень и дальше будет легче? Есть ответ, говорящий больше, чем скептические улыбки профсоюзных деятелей или желчные междометия рабочих, которым я задавал этот вопрос. Ответил сам канцлер Конрад Аденауэр в программной речи после выборов. Если оинстит его мысль от научнообразной терминологии и пропагандистской шелухи, то получается: «Платить рабочим нужно меньше, трудиться рабочие должны больше. Повышать заработную плату, сокращать рабочий день не разрешаю».

Говоря в этой речи об одном, канцлер, совсем не стараясь поговорке его рейнской родины: «Прислал сна, а имел в виду ветчину». Профсоюз металлистов Западной Германии опубликовал декларацию, в которой объясняет, для чего предпринял Аденауэр экскурсию в политико-экономический институт, чтобы обосновать драконовские меры против забастовок, лишь бы свободы профсоюзов. На одном собрании металлисты провозгласили едкая реплика: «Если так пойдет дальше, забастовки будут разрешены только в питейных ордехе».

Итак, официально заявлено, что улучшения не будет.

Уже приняты первые меры для того, чтобы подкрепить эти слова делом. В Насселе арестованы 20 профсоюзных деятелей. Это — лучшее разъяснение того, для чего создано «рабочее законодательство» Федеративной республики: для хозяина или для трудящегося. А заодно и ответ на вопрос, кто пользуется плодами «экономического чуда» на западе Германии.

Я был на званом обеде, который дали иностранным журналистам в честь Олленхауэра. Лидер социал-демократов говорил, в частности, о том, что социально-политическая структура общества существенно изменилась, что изменил свое лицо и рабочий класс.

Восторженные гимны «экономическому чуду» неразрывно связываются в западногерманской прессе с разговорами об этих акциях. Вечески обыгрывается пришедшее из Америки выражение «народный капитализм». Торжественно объявляют об отмирании различий между предпринимателем и рабочим, о том, что не существует больше иконных понятий «герр унд кнехт» — хозяин и слуга.

Какова цена этим демагогическим разговорам, — ясно. Предприниматели, которые находятся «почти в таком же положении, как рабочие», взяли, например, и начали повышать цены на уголь, что вызвало общее повышение цен. Аденауэр для приличия вел «переговоры», просил этого не делать. Предприниматели не согласились, и... разговоры кончились. Думается, что в делах воротил Федеративной республики голос второго «социального партнера» значит не больше, чем голос фрау Беккер в делах гостиницы, где она служит.

Вот другой пример. Недавно в Гамбурге разыгралась гнусная судебная комедия. Суд «донакал», что забастовка металлистов была «незаконной», и объявил профсоюз... возместить предпринимателям убытки — уплатить несколько миллионов марок компенсации! Практически суд пустил профсоюз по миру.

Что касается «народного капитализма», «акций» и т. д., то сам Олленхауэр, утверждая, что эта мера должна «заинтересовать рабочих» в повышении производительности труда, предпочитает не касаться вопроса, какое влияние могут иметь мелкие акции на решения крупных. По-видимому, не хочется признаваться в том, что никакого.

Как относится к идеям «социального партнерства» сами рабочие? Верят ли они в то, что стали «другими людьми»?

Шофер такси Ш. усмехается. Он рассказывает о важных господах, которые иногда заставляют его ожидать по несколько часов у ресторана. Чтобы прокутить пятьсот-шестьсот марок, требуются время; сам водитель тратит такие деньги за два-три месяца. Обижаться не приходится — счетчик работает, выручишь больше, чем от бесполезной погони за пассажирами. Но чувствовать себя равным шофер не может.

Рабочие в Гельзенкирхене — самом сердце Рура — в ответ на мой вопрос только посмеивались и потирали большой палец об указательный — жест, означающий деньги.

— А это? — спрашивали они.

— Мы — маленькие люди, — говорили мне и шахтеры в Гельзенкирхене, и докеры в Гамбурге, и металлисты в Мюнхене. — А политики делают большие люди, те, у кого много... — и снова этот жест: большой палец потирает указательный...

Глядя на докеров в хлопчатобумажных брюках и вытертых куртках, на вельветовую одежду металлистов и их тяжелые ботинки, я пытался обнаружить разницу между рабочим эры «экономического чуда» и «народного капитализма» и его собратом тех времен, когда не было «чудес» и капиталисты и защитники их интересов еще не додумались до «народных акций».

Вспомнил Берлин тридцатых годов. Рабочий в метро можно было узнать сразу; и по кучей куртке и вельветовым штанам, и по манере держаться. Раздобревший бюргер горделиво, с чувством собственного достоинства отглядывался кругом, вынищая взглядом сходящих в вагон, как бы предпринимая: не забудь тот, кто мне не пара, сядь рядом со мной. Всяк сверчок знай свой шесток... Рабочий в метро обходил стороной «господ», знал, что ему не следует сидеть рядом с бюргером. Завидный народ, словно по молчаливому сговору, шагал к последним вагонам, чтобы быть среди своего брата.

И — право же! — не увидел я сегодня разницы между прежней или нынешней манерой держаться в присутствии «хозяев». Не чувствует себя рабочий ни «хозяином жизни», ни «рабочим-бюргером», ни «новым капиталистом»... И для него широко рекламируемое «немецкое чудо» — чужое чудо...

ПОЭЗИЯ „КРАСНОЙ ГВОЗДИКИ“

ИСПОЛНЯЕТСЯ пятьдесят лет румынскому поэту Михею Беньку. Со страниц его книг, — а за тридцать лет поэтической деятельности их скопилось немало, около двух десятков стихотворных сборников, — встает росток человека, который всегда ясно видит перед собой великую цель: победу «красной гвоздики» — поэтический символ революции и социализма.

В народной поэзии Румынии. Поэзия Беньки — голос народа, его песни, то горестная и тоскливая, то боевая и грозная, то тихая и ласковая, насыщенная нежной любовью ко всему окружающему, и прежде всего — к людям. В стихах и поэмах Беньки звучат напевные мелодии любовных, тоскующих дойн, выводимых на незамысловатых пастьухих дудках, озорная, захватывающая удаль народных плясок, грозный тугачивый рык бучумов и рогов, призывавший народ к борьбе с порабощателем. Он родился в простой крестьянской семье, и в нем живет, говорит и поет музыкальное, поэтическое сердце румынского крестьянина.

Во вступительном слове к советским читателям, написанном поэтом для сборника его стихов, который готовит к печати Гослитиздат, Бенька рассказывает, что его первым учителем были национальный румынский поэт Михаил Эминеску, певец венгерского народа Шандор Петефи и великий русский стихотворец Александр Пушкин, поэмы которого, прочитанные на французском языке, побудили Беньку самостоятельно изучить русский язык. (Впоследствии он перевел на румынский «Слово о полку Игореве».)

Все эти великие мастера слова помогли Беньку лучше осознать свое дарование, отшлифовать свое творчество, берущее начало

ПРОШУ
Прощу волну родной реки,
Прощу пиюны лепестки,
Прощу пшеничный колосок,
Прощу черешню я листок:
Дай человеку красоту,
Чтоб вся земля была в цвету,
Дай воркующие голубков,
Дай аромат лесных цветков;
Пусть гор его манит гряда
В коронах зорь, снегов и льда,
Где из цветов о скал наряд,
Где выше гуч орлы парят;

РОМЕН РОЛЛАН В СХВАТКЕ

(Оночание. Начало на 3-й стр.)
привлекательный интерес, какому горло симпатично возбуждала в Роллане первая в мире социалистическая страна. Мы видим, как постепенно СССР становится оплотом всех его надежд.

Выступления в защиту народов, стремящихся свергнуть иго колониального рабства, выступления против вошедших в моду пропаландистской «Европы», антивоенский характер чьих маневров Роллан сразу разглядел, — все это характерные направления ударов, которые он уверенно наносит.

Огромное значение имели выступления Роллана против фашизма в Европе. Он всегда боролся против фашизма Муссолини и начал схватку с гитлеровщиной с первого дня ее появления в Германии, разоблачая ее кровавые преступления, мобилируя энергию народов для сокрушительного отпора врагам человечества.

Ромен Роллан становится одним из крупнейших деятелей международного антифашистского движения. Он идет вместе с Горьким. Его творчество неотделимо от горячей схватки.

В 1935 году в статье для нашей «Правды» Роллан свидетельствует, что Октябрьская революция стала «новым днем человечества». Он говорит о своих идейных исканиях, о своем творчестве: «Простите меня, если обяженность, связанные с активной деятельностью, не позволяют мне подробно ответить на ваш вопрос: «Как я пришел к коммунизму?» Об этом я рассказал недавно в моей последней книге «Пятьдесят лет борьбы». Это был вопрос честности и прямолинейности. Я откровенно о той невозможности духа, в которой находят убеждение осторожные «застенчивые» и я всегда презирал, этих писателей, проповедующих искусство для искусства, отрицающих необходимость связи между искусством и активной деятельностью, к чему я постоянно стремился. Длинная не было другого выхода. Не было другого пути для разума и для справедливости».

Автор «Очарованной души» выступает как политический деятель, осознавший все великое значение организованного движения в защиту социализма и мира, как пролагатель новых путей человечества.

Одновременно с книгой «Пятьдесят лет борьбы» выходит тесно с ней связанная книга «Через революцию к миру», о которой мы расскажем с журналом. САВы, стоящие за сенаторами, отнюдь не призраки. И капиталисты, стоящие за САВами, реальны, как доллар. Куда призывает иные сенаторы и олицетворяемая ими американская демократия.

Мы расхотимся с журналом. САВы, стоящие за сенаторами, отнюдь не призраки. И капиталисты, стоящие за САВами, реальны, как доллар. Куда призывает иные сенаторы и олицетворяемая ими американская демократия.

Мы расхотимся с журналом. САВы, стоящие за сенаторами, отнюдь не призраки. И капиталисты, стоящие за САВами, реальны, как доллар. Куда призывает иные сенаторы и олицетворяемая ими американская демократия.

Рис. Е. Скакальско

Дай белый хлеб ему к вину,
И неба дай голубизну,
И верных братьев и друзей,
И крепкий сон во тьме ночей;
Дай светлый ключ ему найти,
Чтоб жилось уютнее в пути,
Чтоб освежить лицо и рот,
Когда к вершинам он идет.
Кричу, все сущее моля:
Пусть будет счастлива земля!

Перевела с румынского И. ГУРОВА

битых начало второй мировой войны. Он обращал внимание всех на то, что гитлеровская Германия лихорадочно готовится к нападению; что происходит «разрывание чудовищных сил».

Роллан был убежден, что объединение всех демократических сил Европы достаточно для того, чтобы позволить войне возникнуть, чтобы обуздать свирепствующий в Европе фашизм. Все силы Роллана, вся его неукротимая энергия были направлены на организацию всенародного отпора надвигающейся войне.

СССР был для него основой его уверенности в том, что фашизм будет разгромлен. «Я знаю, — писал он в статье «На защиту мира», — что Советский Союз является самой мощной силой против фашистского прогресса и что счастье человечества находится под его защитой. Я знаю, что это наша живая крепость...»

Как мы знаем, разразившаяся катастрофа застала Роллана больным, в состоянии упадка физических сил, однако он пережил оккупацию, не утратив веры в то, что фашистское иго, привнесшее Францию, будет рано или поздно сброшено. Он не перал веры в Советский Союз. Однако творчество Роллана в эти черные годы, хотя они и отмечены созданием новых произведений, внесших много ценного в заветное нам духовное богатство, все же не имеет того боевого характера, которым отличался замечательная эпоха тридцатых годов, когда Роллан выступал как борец за социальную справедливость и деятель, связанный с великим движением народных масс.

Это высоко его подняло, это запечатлелось в смелом и глубоком своеобразии романа «Очарованная душа» и в его публицистике, оставившей неаглицкий след в памяти человечества. Эти годы являются вершиной творчества Роллана. В эти годы возникли замечательные новые образы и ясно обозначается та гармония между мыслью и действием, о которой он всегда мечтал.

Эпизод творчества Роллана приходится на полные муки годы оккупации, «тяжкие, разметающиеся, точно в бреду, мрачные годы морального угнетения и боли», по его точному определению. Несмотря на некоторую ретроспективность произведений, которые с удивительной стремительностью возникают одно за другим в это время, эпизод освещен все же немеркнущим светом «годов борьбы», что и дало автору «Жана-Кристофа» и «Очарованной души» возможность моральной победы над врагом, который в течение четырех лет терзал дорожку его сердцу Францию.

«Преобладающее впечатление от моего путешествия в Москву — это могучий поток молодой, бьющей через край жизненной энергии, ликующей от сознания своей мощи, от гордости за свои успехи, от уверенности в своей правде... Это в истории и называют «великими моментами» — моменты, когда народы достигают вершины своей судьбы и когда начинается новая эра мира».

Большое место в деятельности Роллана второй половины тридцатых годов занимает борьба испанского народа против фашизма. Роллан знал на помощь защитникам свободы и независимости «все силы прогресса, всех людей доброй и мужественной воли, сражающихся за социальную справедливость». Он призвал дать отпор «реакции убийц, стремящихся унижить и поработить народы Запады».

Роллан видел в испанских со-

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОУХИН, В. ФРОЛОВ.

Из жизни призраков

НЕ ТАК давно с одним из них американских и м сенатором произошла конфузная история, не имевшая никаких политических последствий, но вызвавшая много смеха в Капитолии.

Родная тетушка сенатора получила от своего племянника письмо, первая строка которого звучала бы по-русски примерно так: «Здравствуй, милочка!»

Почтенная дама, давно отвыкшая от столь игривых приветствий, решила, что под бременем государственных забот ее племянник решил. Она принахлала в Вашингтон и стала довольно бурно выяснять отношения. Вот тут-то и обнаружилось, что сам сенатор ни сна, ни духом не помнит в дерзком письме, а виноват во всем САВ.

САВ — это не имя и не учреждение. Это — секретарь по административным вопросам, должность, официально установленная в 1946 году законом о реорганизации конгресса. У каждого сенатора есть свой САВ, и каждый САВ имеет своего сенатора.

ложной скромности утверждал: «Я все равно, что сам сенатор — его второе «я»».

Не возражал против этого факта и сами боссы. «Секретарь по административным вопросам — это как бы ваше продолжение», — говорил сенатор Кейс. — Ни с кем, ни с кем не связывают столь интимные узы — разве только с женой».

Права САВы, по существу, неограничены. Сенатор из штата Верджиния Картер Глас уже второй год вообще не присутствует на заседаниях сената. За него вносит поправки в законопроекты и голосует САВ Рикси Смит.

САВы пишут за своих боссов письма речи, статьи, книги. Секретари по административным вопросам не только сочиняют речи сенаторов, но иногда сами произносят их. Сенатор Хьюберт Хэмфри как-то поддразнился прочесть в одном из ватингтонских соборов проповедь на актуальную тему: «Бог, человек и водородная бомба». То ли погода помешала, то ли в это богоугрожденное дело впуталась нечестная сила, но самолет сенатора задержался в пути, и к назначенному часу проповедник прибыть не смог. Пришлось его САВу собраться с мыслями и выступить от имени босса. Ничего, сошло.

САВу все равно, кто сенатор и какой партии он принадлежит. С одинаковым успехом САВ подделывал подписи и мысли как демократов, так и республиканцев. Вильсон Хейфнер, САВ сенатора Александра Уайли, обслуживает уже шестого босса. За это время он представлял в конгрессе четыре штата и обе партии.

Боссы, заседающие в Капитолии, приходят и уходят, но настоящие боссы всегда на месте. В государственном механизме САВ — только маленькая и чужая. Но через него перекинут привоной ремень, идущий от боссов большого бизнеса к горластому дежиденту сенаторского кресла. Усердный САВ рано или поздно получает вознаграждение по заслугам. Он либо попадает в правление какой-нибудь компании, либо продвигается на более высокие ступени правительственного аппарата. Не случайно, например, САВ сенатора Спарксмена Эдда Хайда оказался заместителем председателя правления компании «Рейнольдс металс».

«Ньюсуик» назвал САВов «призраками». Так ли? В этом существующем пункте

мы расхотимся с журналом. САВы, стоящие за сенаторами, отнюдь не призраки. И капиталисты, стоящие за САВами, реальны, как доллар. Куда призывает иные сенаторы и олицетворяемая ими американская демократия.

мы расхотимся с журналом. САВы, стоящие за сенаторами, отнюдь не призраки. И капиталисты, стоящие за САВами, реальны, как доллар. Куда призывает иные сенаторы и олицетворяемая ими американская демократия.

мы расхотимся с журналом. САВы, стоящие за сенаторами, отнюдь не призраки. И капиталисты, стоящие за САВами, реальны, как доллар. Куда призывает иные сенаторы и олицетворяемая ими американская демократия.